

Завет Белова

Ушёл из жизни великий русский писатель

Владимир БОГДАНОВ

моя лесная», а позже в газете «Правда» – его первую повесть «Привычное дело», опубликованную в журнале «Север» в 1966 году, что решило в ту пору её судьбу.

Белова невозможно понять и оценить вне литературного контекста, вне того уникального направления, которое сложилось в русской литературе во второй половине минувшего века. Имя ему – «деревенская проза», куда входили, помимо Василия Белова, Валентин Распутин, Василий Шукшин, Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Михаил Алексеев, Сергей Залыгин, Евгений Носов, Виктор Лихоносов, Владимир Солоухин, Гавриил Троепольский, Александр Яшин и позже Владимир Личутин, Владимир Крупин... Явление это возникло взрывом и сразу же потеснило «шестидесятников», поскольку ставило вопросы не политические, но – бытийные. «Деревенской» её называли по той причине, что авторы все как один были выходцами из деревни. Повторюсь, в действительности она была прозой бытийной, историко-философской, вынесшей на общественное обсуждение коренные, фундаментальные вопросы нашего исторического бытия.

Полагаю, что эти глубоко патристические по духу прозаики куда в большей степени, чем «шестидесятники» или диссиденты, подготовили случившиеся на переломе веков драматические перемены в нашей жизни, не догадываясь, к чему эти перемены приведут.

Итогом этих перемен – среди многого другого – стало и то, что наша лучшая проза конца минувшего века, по своему художественному уровню вполне сопоставимая с великой русской прозой XIX столетия, упорно замалчивается, как замалчиваются великие Шолохов и Твардовский, чуждые либеральной идеологии рынка. Будем надеяться, что публикация семитомного собрания сочинений Василия Белова перед самым его уходом означает начало конца той сегрегации лучших произведений русской литературы XX века, которую с такой последовательностью проводят вот уже двадцать лет либеральные СМИ. Что там царская или советская цензура, когда вето наложено на целое направление, причём – лучшее в русской литературе!

Василий Белов принадлежал к шолоховской литературной школе.

Опередивший время на столетие, «Тихий Дон» был предвестием трагической и героической судьбы русской деревни в XX веке. Именно деревня положила себя на алтарь Отечества ради его спасения. Беспощадность коллективизации сделала возможной индустриализацию страны, чтобы выиграть грядущую войну. Война была выиграна миллионами жизней на фронте, трудовым подвигом жён и матерей в тылу. Восстановление страны снова легло на плечи народа и в первую очередь крестьянства – при полном запустении деревень.

Вот почему после смерти Сталина первым в литературе стал вопрос о культе личности вождя и политических репрессиях, а вторым – вопрос о трагических судьбах деревни, то есть о судьбах народа. Этот вопрос возник стихийно и взрывом. И поставили его писатели, родившиеся и выросшие в деревне, вернувшиеся с войны или детьми трудившиеся от зари до зари вместе с матерями на колхозных полях, чтобы дать фронту хлеб.

Для меня это ещё и тяжёлая личная потеря. Без малого 40 лет нас связывали дружба и единомыслие, а также чувство землячества: мы родились и выросли в вологодской глуши.

Горжусь, что поддержал в «Комсомольской правде» его первую книгу рассказов «Деревенька

Завет Белова

Окончание. Начало на стр. 1.

Советская власть посадила крестьянских детей за парты, приобщила к образованию, знанию, научила мыслить честно. И они обрушили на умы читателей свой главный вопрос: о судьбах народа, о судьбе деревни, настоятельно требовавшей перемен.

Вот откуда такая степень искренности, такая боль, такая безыскусная и бескомпромиссная правда жизни в прозе Белова, Распутина, Шукшина, Астафьева, да практически всех так называемых деревенщиков, и такой авторитет её у читателей. Ведь они были «устами» истрадавшегося народа, который, дав образование своим детям, получил возможность впервые обратиться к миру со словами правды, заявить о себе, о своей жизни, о своей душе и о своей беде.

Вот откуда у Белова, как и его учителя Шолохова, такой мо-

гучий русский язык. У Белова есть рассказ, который называется «Колоколена», в котором, рассказал мне Белов, чуть не дословно воспроизведена необыкновенная речистость его матери. Доподлинное русское слово, как и душа народа, по свидетельству прозы Белова, Распутина, Шукшина и, конечно же, Шолохова, всё ещё сохраняются во глубине России.

Шолохов однажды сказал, что в Григории Мелехове ему было важно показать «обаяние человека». «Обаяние человека», то есть красоту его души, ты ощущаешь в каждом из героев Белова и чувствуешь неизбежную любовь автора к ним, их способности любить не себя — других. Вспомним сцену прощания Ивана Африкановича с женой Катериной в повести «Привычное дело». По напряжённости и одухотворённой чистоте она вполне сравнима со

знаменитой сценой прощания Григория с его Аксиньей.

Проза Белова, как и всей шолоховской школы (вспомним «Прощание с Матёрой» В. Распутина), — проза прощания с глубоко любимым и родным миром, который на их глазах, а порой и при участии, исчез уже навсегда. Вспомним в этой связи книгу «Лад» — о нормах крестьянской культуры, народной цивилизации, культуре души, формировавшихся веками.

Книги Белова, как и всех близких ему товарищей по литературному делу, писателей, в большинстве своём уже ушедших из жизни, это завет.

Шолохов силой своего гения почувствовал грозный сдвиг тектонических пластов, обратился к миру с великим романом-предостережением, на столетие опередив время. Белов, Шукшин, Распутин, Астафьев пронзительностью своего таланта также ощутили грядущие перемены. Взыскав их, они предчувствовали и возможную их опасность. Опасность бездушия и бездуховности, глобально уг-

рожавших миру в его алчном и безграничном стремлении к потребительству, уничтожающему человеческое в человеке, опасность растрепания «золотым тельцом» тех духовных и нравственных ценностей, которые веками складывались в народе в труде и обороне родной земли, служению духу, а не мамоне, как то было велено свыше, в Нагорной заповеди.

Завет прозы Белова повелевает нам в мире установившегося чистогана хранить в чистоте тот нравственный генотип русского народа, который формировался веками труда и борьбы, сохранить в чистоте нашу народную цивилизацию. Проза Белова каждому из нас завещает любить свою Родину столь же истово, как это сказано в строках ещё одного нашего земляка вологжанина Николая Рубцова:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Феликс КУЗНЕЦОВ